

велось в таких направлениях, как изучение извращения поведения человека в революции, природа и механизм человеческого поведения, основные характеристики изменения поведения во время революции, психология революционного общества.

Библиографический список

1. Sorokin P.A. Man and society in calamity. The effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life. N-Y., 1943.
2. Sorokin P.A. Sociology of mental life // Pitirim A. Sorokin in review. Durham, N.C., 1963.
3. ИРЛИ. Ф. 863. Оп. 1. Д. 8.
4. Канев С. Путь Питирима Сорокина. Сыктывкар, 1990.
5. Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1909. Т. 1.
6. Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1967.
7. Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1955. Т. 2.
8. Сорокин П.А. «Смена веж» как социальный симптом // Философские науки. 1992. № 1.
9. Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
10. Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М., 1992.
11. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.
12. Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 2.
13. Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Е.И. Сумбулова

Самарский государственный экономический университет

УЧИТЕЛЯ САМАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале XX в. Российская империя переживала значительные перемены, повлиявшие на дальнейшее развитие страны и судьбы ее граждан. Центральные события разворачивались в основном в столичных городах – Петербурге и Москве, но в стороне не осталось и провинциальное общество. События 1905–1907 гг. всколыхнули всю Россию, и нам представляется интересным рассмотреть

политические взгляды и настроения народных учителей Самарского края как представителей немногочисленной провинциальной интеллигенции. Наше внимание при этом было сосредоточено на изучении 468-го фонда (Самарское губернское жандармское управление) в Государственном архиве Самарской области. Из огромного количества дел было отобрано более сорока за 1904–1908 гг., где имелись упоминания о привлечении к дознанию учителей Самарской губернии.

На основании изученных документов мы попытались составить обобщенный портрет русского учителя начала XX в., вовлеченного по воле случая или по какой-то причине в революционный водоворот 1905–1907 гг. Чаще всего это был молодой человек в возрасте 27 лет, как правило, холостой. Если он имел семью (36 % рассмотренных случаев), то детей было немного: один–двое. Большие семьи у них были редкостью. Уровень образования педагогов был разным: от высшего, хотя это скорее исключение, до специального педагогического или среднего (64 % случаев). Если рассматривать сословную принадлежность учителей-революционеров, то здесь мы увидим приблизительно в равном количестве представителей крестьянства, мещанства и лиц духовного звания.

Среди народных учительниц – участниц революции преобладали представительницы непривилегированного городского сословия, 26 лет, незамужние или вдовы. Обычно они являлись выпускницами гимназий или педагогических учебных заведений. Политические пристрастия учителей, привлеченных Самарским жандармским управлением к следствию, распределились по трем направлениям – социал-революционеры, большевики и беспартийные.

В чем выражалась противоправная деятельность учителей, по мнению представителей власти? Они вели с односельчанами разговоры о месте и роли Русской православной церкви, о государстве и императорской фамилии; хранили у себя запрещенную литературу и распространяли ее среди населения. В разгар революции все чаще стали звучать призывы о неуплате налогов, о введении народного управления и неповиновении властям.

Отдельные представители учительского клана призывали крестьян к активным действиям – захватывать помещичьи земли, не платить налоги, составить телеграмму в адрес правительства, взять в руки оружие [1, д. 499, л. 2; д. 682, л. 7]. Например, учитель Балаков-

ской церковно-приходской школы М.А. Воробьев являлся одним из авторов телеграммы для С.Ю. Витте (от 13 ноября 1905 года), в которой шла речь о том, что «только немедленный созыв Государственной Думы на началах всеобщего избирательного права и равного, прямого и тайного голосования может вывести Россию на путь законности и порядка». Авторы послания «ходатайствовали перед правительством о даровом наделении крестьян землей из кабинетных, наделных и монастырских земель, об уничтожении выкупных платежей, косвенных налогов и введении подоходного налога, об отмене института земских начальников и введении свободного самоуправления, об уничтожении полиции и замене ее милицией, о всеобщем образовании за счет государства» [1, д. 598д, л. 23].

29 июля 1906 г. учитель Н.В. Альбинский агитировал крестьян деревни Екатериновка Бугурусланского уезда составить приговор для отправки его в Государственную Думу. В нем содержались требования об улучшении жизни крестьян и о получении ими земли. Во время митинга Н.В. Альбинский раздал крестьянам «Извещения о крестьянском съезде», прошедшем в Самаре 21 мая 1906 г., и брошюру «Как сицилийские крестьяне боролись за свои интересы» [1, д. 773, л. 28–30(об.)].

Местным властям (священникам, земским начальникам, сельским старостам, волостным старшинам) не нравились революционно настроенные учителя, которые, по их мнению, занимались не своим делом: беседовали с жителями, организовывали спектакли, устраивали повторительные курсы для взрослых, народные чтения. Это вызывало у одних раздражение, у других – опасение, что на подобных занятиях ведутся ненужные крестьянам разговоры о власти, о переделе земли, о необходимых России реформах. Как крестьяне реагировали на пропаганду и агитацию? По-разному. Бывали случаи, когда крестьяне отказывались слушать агитатора и выдавали его полиции [1, д. 622, л. 8; д. 746, л. 17]. Но иногда, наоборот, были готовы защищать революционера с оружием в руках. Например, Бугульминский уездный исправник для ареста учителя Чемодуровской земской школы В.П. Городецкого был вынужден взять с собой конный отряд стражи, так как учитель пользовался у односельчан большим авторитетом, и исправник опасался возможных беспорядков при аресте [1, д. 821, л. 21]. О значительном влиянии учителей на крестьян, по мнению одного из земских начальников, говорил и такой факт, когда один из учеников Елшанского училища В. Егоров

сказал священнику: «А все-таки, батюшка, что ни говорите, а учение Толстого много почище будет Христова» [1, д. 326, л. 1–2].

В делах Самарского жандармского управления сохранились сведения о ложных доносах на учителей. Когда какой-нибудь крестьянин или местный служащий в корыстных интересах или из мести сообщал властям о якобы противоправительственной пропаганде местного учителя [1, д. 557, л. 1; д. 886, л. 100]. Например, учитель Домашкинской земской школы П.Я. Колосов был вынужден давать полицейскому приставу объяснение по поводу поступившего на него доноса. Проблемы начались у Колосова после конфликта с сельским старостой, отказавшим в выдаче денег на нужды школы [1, д. 1081, л. 74]. Похожая история произошла и с учительницей Моршанской земской школы М.С. Владимирской, которую за отказ покрывать неоправданные расходы волостного старшины и писаря сначала лишили должности, затем выжили из села, а потом написали донос, обвинив ее в антигосударственной агитации. Разобравшись с обстоятельствами дела, Самарское Губернское Собрание в обоих случаях прекратило дознание за отсутствием улик [1, д. 1156, л. 3–46].

Правительство пыталось сдерживать рост революционных настроений среди народного учительства. Для этого летом 1905 года в Санкт-Петербурге были организованы педагогические сельскохозяйственные курсы. Но некоторые учителя восприняли это как попытку отвлечь их от пропаганды среди крестьян, стали мешать занятиям, и власти были вынуждены курсы распустить [1, д. 499, л. 2].

В связи со значительным ростом числа участников революционного движения в начале XX в. правительство было вынуждено пойти на смягчение уголовной ответственности за подобную деятельность. Если «Уголовное Уложение» 1903 г. предусматривало серьезные наказания за антиправительственную агитацию, то закон от 7 июня 1904 года хранение запрещенной литературы уже не рассматривал как наказуемое деяние [1, д. 370, л. 3–6]. Циркуляры министра внутренних дел от 31 июля и 8 августа 1906 г. обязали жандармское управление прекращать дознание при недостатке улик и отсутствии свидетелей. В результате многочисленные дела, имеющиеся в самарском архиве, сообщают по большей части о прекращении дознания за отсутствием улик, и только в исключительных случаях дела передавались в прокурорский надзор и далее в

судебную палату для вынесения приговора. Среди рассмотренных нами документов самым тяжким наказанием оказалось заключение в тюрьму сроком на один год [1, д. 700, л. 73–82]. Чаще всего за антиправительственную агитацию Самарское Губернское Совещание (в составе губернатора, прокурора окружного суда и начальника губернского жандармского управления) назначало административную высылку или передачу под надзор полиции [1, д. 553, л. 52; д. 598д, л. 32; д. 1011. л. 32]. Учителя также могли лишиться возможности заниматься педагогической деятельностью на какой-то срок или навсегда [1, д. 560, л. 56; д. 655, л. 20].

Что заставляло учителей принимать участие в революционном движении? Во-первых, желание помочь неграмотным крестьянам разобраться в политических вопросах, новых для них и зачастую очень сложных [1, д. 618, л. 49(об.)]. Так, А.А. Кузнецова, учительствовавшая в селе Секретарки Бугульминского уезда, в объяснении следствию писала: «После Манифеста 17 октября 1905 года я, устраивая в заведываемой школе праздничные народные чтения, объясняла слушателям содержание манифеста и говорила, что теперь многие села и деревни отказываются платить подати и разные мирские сборы, и что следовало бы и им, секретарцам, присоединиться к этому. Я также говорила и кроме, что не следует ходить на службу призванным новобранцам и не во всем слушаться начальство» [1, д. 656, л. 21–22]. Крестьян больше всего интересовали вопросы о Государственной Думе и о земле. Учитель Чемодуровской земской школы В.П. Городецкий, выступая на суде, заявил, что «каждый мало-мальски смыслящий человек должен разъяснять каждому, кто не понимает, смысл и значение Государственной Думы. Это обязанность, а не преступление» [1, д. 821, л. 14(об.)].

Во-вторых, среди народных учителей встречались и убежденные сторонники революции. Например, учитель министерского Балаковского училища И.Т. Сорокин имел контакты с местным и центральным комитетами партии социал-демократов. Он неоднократно выступал на различных митингах и собраниях, убеждая крестьян верить словам большевиков и эсеров, а также содержанию брошюр и воззваний этих партий. Он говорил, что после роспуска Государственной Думы народу необходимо без замедления сплотиться и вооружиться против правительства [1, д. 1011, л. 13].

В-третьих, рост революционной активности в среде учителей объясняется общим настроением российской интеллигенции, увле-

ченной новыми идеями, мыслями о послаблении режима и введении демократических свобод. Так, заведующий Чирковской второклассной школой священник А.Н. Богородицкий, давая показания об учителях А.В. Федорове и П.Л. Полдушкине, писал: «В конце октября 1905 года учителя из скромных тружеников сделались смелыми пропагандистами свободных идей. Никогда до сего времени они не ходили на крестьянские сходы, не знали никого из крестьян, но с конца октября до половины января делаются народниками» [1, д. 682, л. 70–71].

Одним из вопросов, обсуждаемых учителями Самарского края в годы революции 1905–1907 гг., была программа Всероссийского Союза учителей и деятелей по народному образованию. Она ставила перед учительской общественностью как политические, так и профессиональные задачи. Учителя Самары, анализируя ее, не пришли к единому мнению. Большинство склонялось к мысли, что в силу неопределенности политических взглядов самарских учителей союз должен являться чисто профессиональной организацией, а не политической [1, д. 682, л. 5(об.)–7].

В-четвертых, возможно, что учителя могли оказаться в числе революционных участников, сами того не желая. Как, например, учитель Урсалинской земской школы К.Ф. Артемьев, который 22 декабря 1906 года, находясь в нетрезвом виде в трактире Миллера в Бугульме, пел революционные песни («Марсельезу», «Дубинушку») и вел разговоры о том, что «царь-помещик нам не нужен, выберем другого», и оказался затем в жандармском управлении [1, д. 623, л. 1].

В целом, подводя итоги изученного материала, нам хотелось бы отметить, что провинциальное учительство, в том числе и Самарского края, явилось выразителем общераспространенных общественно-политических настроений в среде интеллигенции времен первой русской революции: желание демократических свобод, решение аграрного вопроса, учреждение парламента и облегчение жизни российского народа.

Библиографический список

1. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 468. Оп. 1.